

УДК 94(47).084.1

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-2-210-222

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ИНТЕРНИРОВАННЫХ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917 Г.

Е.В. Миронова

Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Россия, yelena.mironova@yandex.ru

В статье рассматривается повседневная жизнь интернированных (лиц, имеющих гражданство враждебного государства) в Казанской губернии в 1917 г. Данная проблема практически не рассматривалась в качестве самостоятельной. Используя архивные материалы, автор показывает бытовые условия существования этой категории граждан, отношение к ним со стороны местного населения и изменения в их положении в связи с революционными событиями в России. Делается вывод о том, что Февральская революция не принесла ожидаемой либерализации законодательства в отношении интернированных и их положение оставалось прежним.

Ключевые слова: Казанская губерния, интернированные, повседневность, Февральская революция, Октябрьская революция

Введение. Развитое гражданское общество предполагает заботу о правах и свободах каждого отдельного члена социума даже в экстренных ситуациях. Во время Первой мировой войны целая группа населения, формально граждан других стран, но живших на протяжении многих лет в России, стали по статусу почти преступниками. Законодательство об интернированных развивалось на протяжении всего XX в., но даже сейчас оно далеко от совершенства. Тем более будет полезно напомнить, какое отношение к ним было 100 лет назад, когда на тяготы войны наложился кризис российского общества в результате двух революций 1917 г.

В отечественной историографии вопрос об интернированных Первой мировой войны практически не рассматривался как самостоятельная проблема. В исследованиях, посвященных военнопленным, обычно есть упоминания о гражданских пленниках, но им уделяется всего несколько абзацев и лишь упоминается о такой категории без подробного анализа их статуса [См.: 1; 2]. По положению интернированных в Казанской губернии также нет отдельных работ. Л.Н. Комелина, изучая быт военнопленных в городе Царевококшайск,

упоминает о большом количестве браков, заключенных между подданными враждебных держав и местными жителями в 1917 г. [3, с. 134]. Положению интернированных уделяется внимание в статьях Э.Е. Абдрашитова [См.: 4; 5]. Автор разделяет военнопленных и интернированных по подчиненности первых военным властям, а вторых – гражданским [4, с. 83].

Из источников, прежде всего, были изучены законодательные акты, позволяющие определить юридический статус интернированных. Основой исследования стали губернские делопроизводственные материалы, куда входят переписка центральных и местных властей об интернированных, ходатайства интернированных в органы власти и пр. Также при написании статьи использована переписка самих интернированных, которая выделяется в качестве источников личного происхождения.

Цель исследования – выяснить влияние Февральской и Октябрьской революций 1917 г. на положение интернированных в Казанской губернии в условиях Первой мировой войны. Данная цель конкретизируется в следующих задачах: охарактеризовать быт, выявить отношение местных жителей к иностранным подданным, проследить изменения их положения как интернированных граждан.

Исследование проблемы. В ходе Первой мировой войны в городах и уездах Казанской губернии наряду с беженцами и военнопленными появилась такая категория лиц, как интернированные. Это были подданные стран, против которых велись боевые действия, но которые проживали на территории Российской империи. В первые дни войны их отнесли по статусу к военнопленным¹, соответственно они подчинялись положению «О военнопленных»². Однако уже с середины 1915 г. Главный начальник Казанской губернии подчеркивал, что военнообязанные, как называли интернированных, военнопленными не являются [4, с. 83]. В дальнейшем положение представителей этой группы регламентировалось «Временными правилами для военнообязанных, водворенных в Казанской губернии»³. Поскольку иностранные граждане рассматривались как потенциальная угроза безопасности государства, так как могли заниматься шпионажем, вести подрывную деятельность внутри страны и даже выступить с оружием, то они оказались объектом пристального внимания со стороны властей.

С началом войны подданные «вражеских государств» были интернированы из западных губерний, находившихся непосредственно у линии фронта,

¹ Обязательное постановление казанского губернатора П.М. Боярского об объявлении австрийских и германских подданных военнопленными. 1 августа 1914 // Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник документов и материалов. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014. С. 26.

² Положение «О военнопленных» от 7 (20) октября 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 16 октября 1914 г. № 281. Ст. 2568. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/1684-polozhenie-o-voennoplennyih/> (Дата обращения: 8.01.2016).

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

во внутренние районы страны. Невзирая на семейное положение, возраст и социальный статус, переселенцы обязаны были, бросив все, оставить родной город. Нередко случалось так, что у держателя иностранного паспорта жена, дети и другие родственники являлись российскими подданными. Соответственно, им позволялось не покидать место проживания, в то время как глава семьи подлежал интернированию. Так, например, произошло с германским подданным Иоганном Горном, водворенным в селе Молвитино Костромской губернии, в то время как вся его семья продолжала жить в Терской губернии. Когда же сыну Горна исполнилось 16 лет, то он также был принудительно выселен, но не к отцу, а в Казанскую губернию. Тем самым юноша был брошен на произвол судьбы. «Сколько скорби и заботы приносит это расторжение с родным сыном! – с отчаянием писал Горн о своих моральных переживаниях казанскому губернскому комиссару Временного правительства. – Он мог бы нам оказать и материальную помощь, работая здесь в сельскохозяйственном деле»¹. Супруга Горна с остальными детьми, неспособная самостоятельно добыть средства к существованию, переехала к Иоганну, а старший сын как германский подданный так и не сумел воссоединиться с родными².

По прибытии в губернский или уездный город Казанской губернии иностранные подданные обязаны были явиться в полицейское управление для предъявления документов. Тех же, у кого не было денежных средств на транспортные расходы, отправляли «этапным порядком». На каждого выдавалась особая книжка, заменявшая вид на жительство, а документы о личности передавались на хранение в местной полиции. Таким способом прибывшее лицо становилось на учет.

Для удобства надзора за прибывшими их селили в определенной части города, удаленной от центра, или в домах, указанных начальником полиции. Внутри уезда – по указанию начальника полиции. Интернированными и другими группами пришлого населения в Казанской губернии были переполнены четыре города – Чистополь, Свияжск, Цивильск, Мамадыш. Поскольку города не вмещали всех прибывающих, то местные власти с разрешения губернатора направляли их на жительство в окрестные селения. Так, еще в конце 1915 г. всех направляемых в Свияжск стали размещать сначала в селе Введенское, в 30 верстах от города, а затем – в деревне Петропавловская слобода и выселке Шевлягин. В самом городе к этому времени находилось 229 военнообязанных и их семей³.

До определения места поселения гражданские пленные находили временное жилье по своему усмотрению. Часто они останавливались на центральных улицах города, хотя им запрещалось снимать лучшие номера и гостиницы. В первой части Казани интернированные занимали номера Щетинкина на

---

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 91–91 об.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 91 об.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 22.

углу Большой Проломной и Гостинодворской улиц, купеческие номера на Большой Проломной, во второй части города – номера «Свет» на Владимирской, Кавказские номера близ вокзала, гостиницу «Казань» на Поперечно-Мокрой¹.

Бытовые трудности стали главной проблемой в повседневной жизни гражданских пленных. Жалобы и просьбы касались дороговизны продуктов продовольствия, плохих санитарных условий, отсутствия подходящей работы, разлуки с женами и детьми, оставшимися без отцовского воспитания².

Интернированные получали материальную помощь из Австро-Венгерского (до 1917 г.), Шведского и Датского консульств, из Американского генерального консульства. Кроме того, существовали различные общественные организации, как, например, Минское общество вспомоществования бедным евреям и другие. Для распределения помощи, поступавшей от консульств, в каждом городе был образован комитет с участием одного германского и австрийского подданного и чиновника полиции. По данным на 1917 г., только по Мамадышскому уезду от Американского генерального консульства поступило 180505 рублей 50 копеек, из них 163535 рублей было выдано германским гражданам, 16970 – австрийским. От родственников было получено и выдано 42820 рублей 64 копейки, ценных посылок поступило на сумму 1937 рублей 70 копеек³. Но помощь, как следует из жалоб интернированных, была чисто символической, и ее не хватало даже на еду. Ежемесячное пособие составляло по 25 рублей на взрослого немца и 10 – на ребенка, австрийские подданные получали по 12 и 6 рублей соответственно, еще по 7 рублей на человека получали австрийские евреи⁴. Отдельно от этих сумм выдавались деньги на лечение, крестины, а также поступали переводы от родных.

Экстремальные условия жизни, в которых оказались интернированные, вызывали проявление агрессии даже по отношению к представителям иностранных консульств. Так, при получении ежемесячного пособия несколько германских подданных обозвали делегатов жуликами и ворами и даже пытались задержать одного из агентов за то, что он якобы украл деньги, подлежащие раздаче. Только благодаря вмешательству правоохранительных органов удалось уладить дело без дальнейших эксцессов⁵.

Гражданским пленным, с целью добычи средств к существованию, дозволялось заниматься ремеслом, поступать на частную службу или сельскохозяйственные работы, но с разрешения начальника полиции и под ответственность нанимателя. Были и другие случаи, когда работники нужны были, но их просто не разрешали нанимать. Так, чистопольский уездный исправник

---

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп.6. Д. 921. Л. 2, 3 об.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 44, 80.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 419.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 16.

⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 86. Л. 60.

в своем рапорте сообщал, что в числе военнообязанных австрийских и германских подданных, прибывавших на жительство в Чистополь, были лица, обладавшие специальными знаниями – агрономы, врачи и другие. Так, один из них на днях был принят Чистопольской городской управой на службу в качестве медицинского фельдшера, однако по указанию губернатора ему в дальнейшем было отказано в приеме на работу, поскольку военнообязанных было запрещено принимать на службу в правительственные учреждения и к должностным лицам¹.

Трудности, с которыми сталкивались иностранцы в поисках пропитания, вели к тому, что чаще всего приходилось наниматься чернорабочими и земледельцами. Так, артист драматического театра Фердинанд Иванович Гаузер занимался тяжелым физическим трудом, в том числе перетаскиванием грузов и пр.²

В свою очередь, перенаселение внутренних районов империи ухудшало условия жизни местных граждан – росли цены на продукты первой необходимости, жилье и т.п. Например, в 1917 г. в Лаишевском насчитывалось 622 неприятельских подданных, из них 129 детей до 12 лет, в Мамадышском – 756 взрослых и 211 малолетних³. С увеличением количества прибывающих, нехваткой продовольствия и ростом цен усиливалось недоброжелательное отношение к ним со стороны местных жителей. Революция только усугубила эти тенденции. Председатель Царевококшайского уездного комитета общественной безопасности возмущался: «Неприятельские подданные находятся в лучшем положении, чем местное население, особенно солдатки-беженцы. Чиновники удивляются заботам в первую очередь о врагах отечества и считают необходимым напомнить о нужде беженцев, солдаток...»⁴.

Поэтому местные власти иногда совершенно не учитывали нужды интернированных.

Под давлением жителей в марте 1917 г. Тетюшский комитет общественной безопасности (КОБ) ограничил военнообязанных и военнопленных в покупке товаров и продуктов. На базарах дозволялось покупать продукты только после 11 часов утра⁵. Мануфактуру и обувь им не продавали до августа 1917 г. Была избрана комиссия для выработки нормы потребления военнообязанных⁶. Местные интернированные, посчитав такие условия неисполнимыми, избрали комиссию, которая должна была объяснить комитету, что это постановление грозит им голодом. Когда КОБ не принял во внимание этих доводов, гражданские пленные заявили о неподчинении приказу и намерении

---

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 12.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 180.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 16, 22.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 112. Л. 23.

⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302.

⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 302.

обходить его «всеми правдами и неправдами»¹. В обход введенного запрета стала осуществляться тайная торговля. Например, был пойман австрийский денщик, закупавший яйца в частном доме².

На время ссылки свобода передвижения иностранных подданных ограничивалась. Для кратковременных поездок в пределах губернии до 7 дней требовалось разрешение начальника полиции (после Февральской революции – начальника милиции). При незаконных отлучках беглецы подлежали водворению обратно.

При рассмотрении ходатайств об отлучках немаловажное значение играло вероисповедание человека. Например, турецкий подданный Сергей Левкопуло незамедлительно получил паспорт для выезда с драматической труппой в город Сарапул Вятской губернии, поскольку он был христианином³.

Известен и прямо противоположный пример, когда по религиозному признаку даже русского подданного выслали в Казанскую губернию. Так произошло с пастором из Эстляндской губернии. Приказ о выбытии он получил без разъяснения причин в марте 1915 г. Ссылку он связывал с тем, что при его участии в свое время была создана церковно-приходская школа с преподаванием на немецком языке, и на этой почве недруги сеяли в отношении него недоверие. Только по амнистии Временного правительства от 6 марта 1917 г. с него были сняты административные ограничения⁴. В письме к своему брату он с радостью писал об этой радостной весте: «Дорогой брат! Сегодня утром я прибыл в Ревель. На основании амнистии меня освободили. [...] обязательно освободят и тебя. Иди с прошением в Казанский Временный комитет. Мне выдали паспорт и свидетельство о моем освидетельствовании, но нигде их с меня не требовали. – Нельзя оспаривать, чтобы амнистия и касалась тебя»⁵. Но эта амнистия коснулась только таких «ложных» интернированных, не затронув иностранных подданных.

К середине 1917 г. заметна тенденция на удовлетворение прошений об отлучках или даже смене места жительства по состоянию здоровья. Например, Елена Брониславовна Завадская на 10 дней выехала из Казани в Москву для сопровождения больной матери на лечение⁶, а в июне 1917 г. австрийские граждане В.Э. Брюллер и Л.И. Эдингер получили разрешение на переезд в Свияжск из Цивильска, болотистая местность которого на протяжении двух лет приводила к заболеванию малярией⁷.

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 30. Л. 469 об.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 305.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 913. Лл. 151, 153.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1250. Лл. 4–5.

⁵ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1250. Л. 6.

⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 136.

⁷ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 92. Л. 6.

Иностранные абитуриенты беспрепятственно получали разрешения на переезд в Казань. Поляк Станислав Казимирович Гасинский в августе 1917 г. отправился в губернскую столицу для поступления на юридический факультет Казанского Императорского университета¹. Австрийская подданная Надежда Вячеславовна Янак получила от губернского комиссара Временного правительства удостоверение о допущении ее в государственную испытательную комиссию в том же университете².

Тем не менее, даже после Февральской революции большинство просьб о переезде оставались без удовлетворения. Бюрократические препоны власти использовали с целью подстраховаться и никого из иностранных подданных не выпускать за пределы губернии, если человек представлял справку о медицинском освидетельствовании, в которой признавалась его непригодность к военной службе, выяснялось отсутствие у просителя технических познаний, при наличии поручительств хотя бы двух лиц в лояльности и преданности к России, уплаты гербового сбора и пр. При соблюдении всех необходимых условий администрация все же находила причины для отказа просителю. Например, Иоганну Гардеру, желавшему переехать из Тетюш в г. Солигалич, отказали по причине продовольственного кризиса в Костромской губернии³.

Надежды, которые интернированные связывали с новой властью в лице Временного правительства, прежде всего касались свободы передвижения.

Казанский цеховой Карл Иванович Мессер на протяжении 37 лет жил в Казани. С началом войны он подал прошение о приеме в русское подданство. Жена имела русское гражданство, а сыновья, как и он, по документам были иностранцами. Как германские подданные они были высланы в Вятскую губернию. Выпускники 2-го реального училища не смогли трудоустроиться и сильно бедствовали на новом месте. После Февральской революции старший Мессер просил за своих сыновей, чтобы им позволили вернуться в Казань. Но ходатайство было отклонено⁴. В октябре 1917 г. в Чистополь были водворены 44 человека, среди них старики, 12 женщин и 3 ребенка. От них сразу же стали поступать прошения об освобождении от административной ссылки. Но удовлетворительный ответ так и не был получен⁵. А когда общественный раввин Казани Е.Г. Лейкин стал просить губернского комиссара разрешить евреям-галичанам свободно перемещаться по губернии, тот дал ему разъяснение, что разрешение для переезда из одной местности в другую для военнообязанных иностранцев входит в компетенцию губернского комиссара, причем если испрашивается разрешение на переезд в другую губернию, раз-

---

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 97.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 91. Л. 63.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 87. Л. 125.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 49.

⁵ НА РТ. Ф. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1333. Л. 79, 81.

решение дается по соглашению с губкомиссаром другой губернии. А к евреям-галичанам применялись те же правила, что и ко всем интернированным¹.

По прибытии интернированных в губернию особое внимание обращалось на багаж, ценные вещи, письма и книги. Их также досматривали, о чем делались соответствующие пометки в книге полицейского управления, а обнаруженные золотые монеты обменивались на кредитные билеты².

В последующем вся входящая корреспонденция поступала из почтово-телеграфного учреждения к полицейскому надзирателю или заведующему военнообязанными для предварительного просмотра. Вся корреспонденция должна была быть только на русском языке, иностранные письма направлялись к начальнику полиции и переводились.

С марта 1917 г. проверку корреспонденции осуществлял начальник милиции. Доступ в помещения почты, телеграфа, телефона запрещался. С осени все посылки, оказавшиеся адресованными военнообязанным, подлежали передаче почтовым ведомствам в ближайшие таможни для досмотра и начисления пошлин на общем основании. Такие посылки могли быть выдаваемы по назначению лишь по оплате их причитающимися пошлинами, с соблюдением всех общеустановленных правил. А вот посылки военнопленных с этого времени не подвергались досмотру, для них был сохранен лишь цензурный досмотр³.

Иностранным подданным запрещалось общаться с местным населением. И сами жители следили за тем, чтобы никто из их соотечественников не вступал в контакт с гражданскими пленными. Например, в 1917 г. на имя мамадышского уездного исправника стали поступать от населения сведения о том, что русская подданная Мария Андреевна Костроминская сожительствует с немцем Георгием Беренсом и получает от него содержание, а тот, в свою очередь, живет в хороших номерах татарина Шагиахметова. В ходе дознания выяснилось, что живет Беренс в неудобном помещении, окна которого выходят на выгребную помойную яму, а Костроминская еще до войны стала его невестой, а потому приходила разделить с ним обед. И хотя запрет на общение с военнообязанными неприятельскими подданными действовал только в период с 30 марта 1915 г. до 12 августа 1916 г., Беренсу было предписано подыскать в течение четырех дней другую квартиру. Мотивировано это было тем, что его проживание с русской гражданкой порождает у населения разные подозрения и чувство брезгливости за общение с врагом России⁴.

Некоторые послабления интернированным стали делать еще до революции. Так, поскольку с августа 1916 г. запрет на общение с иностранными подданными перестал действовать, то стали поступать прошения и о совмест-

---

¹ НА РТ. Ф. 1353. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 76.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 213.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Лл. 370, 370 об.

ном с ними проживании. В сентябре 1916 г. германскому подданному Матвею Осипову Шкультетти не было разрешено выехать из Свияжска в Казань для лечения зубов¹. А уже январе 1917 г. он смог переехать в г. Богучар Воронежской губернии к своей теще – мещанке Варваре Ивановне Гуляевой².

В основном, как показывают статистические данные, интернированные соблюдали наложенные на них ограничения, и каких-либо серьезных правонарушений не было. Так, из 835 военнообязанных, находившихся в Мамадыше с начала войны и до 1 января 1917 г., были привлечены к ответственности за самовольный отъезд 4 человека, за кражу – 4, за оскорбление императора – 1 (приговорен к 8-летнему наказанию на каторжных работах), за пьянство – 3, за самовольную сдачу на почту посылки – 1, за появление на улице после установленного часа – 5³. Но к снижению строгости содержания это не приводило.

В иностранных подданных видели возможных шпионов, а потому им запрещалось выписывать газеты, журналы, карты военных действий без особого разрешения начальника полиции⁴. Тема шпионажа достаточно часто фигурировала в официальной переписке, однако реальных фактов подтверждения в документах по Казанской губернии мы не встретили.

25 июля 1917 г. губернские, областные и городские комиссары были оповещены о создании находящимися в России германскими агентами особой организации. Ее цель заключалась в отправке в Германию через Финляндию возможно большего числа годных к военной службе военнопленных и военнообязанных. Последние снабжались подложными шведскими паспортами и затем направлялись через Петроград в Финляндию и далее за границу в Стокгольм⁵. Пристальное внимание было обращено к делегатам иностранных консульств, которые, по некоторым сведениям, передавали поддельные документы⁶.

Преследованиям подверглись даже представители нейтральных государств. Китай до августа 1917 г. не присоединялся ни к одной из воюющих сторон, но после объявления войны китайский подданный Михаил Федорович Кау-Тень-Чжи с женой и детьми был арестован в станице Темиргоевской Кубанской области и препровожден в город Майкоп, а затем в Казанскую губернию в Царевококшайск. Здесь он держал цирк, столовую и хлебопекарню. За четыре года он потратил все свои сбережения. Не будучи способным в силу возраста и по состоянию здоровья к физическому труду, Михаил Федорович так и не мог заработать средства на жизнь и потому был вынужден обратиться

¹ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 220 об.

² НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1032. Л. 102.

³ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1219. Л. 418 об. – 419.

⁴ НА РТ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 985. Л. 77.

⁵ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 84. Л. 161.

⁶ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 89. Лл. 1, 8.

с просьбой освободить его от ссылки и обеспечить пособием семью из четырех человек¹.

Полных сведений о том, как гражданские пленные встретили Октябрьскую революцию, нет, имеются только единичные примеры. В частности, австрийский подданный Элик Борисович Шверт-Фингер, проживавший в Царевококшайске, пытался разузнать, как примкнуть к большевистскому движению: «[...] ввиду [...] попытки контрреволюции Россия нуждается в искренних защитниках свободы и революции. Многострадальный российский пролетарий не знает как обратиться и к кому примкнуть в данное время, чтобы улучшить будущую жизнь ибо не везде есть большевистские агитаторы. Товарищи солдатские и крестьянские депутаты, я рабочий и верьте воистину моих слов. После 1905 г. при народном восстании в Кишиневе, я остался круглой сиротой. Нужда заставила меня при 12-летнем возрасте идти к богатым людям работать. Много горя, мук и нужд пришлось мне встретить в своей жизни, пока я научился работать. По открытии войны в 1914 г. в августе-месяце я был сослан царским правительством как австрийский подданный из города Кишинев в город Царевококшайск [...]»².

Но хотя большевики и были противниками войны, в конце 1917 – начале 1918 г. милиция продолжала разыскивать интернированных, нарушивших выездной режим. Так, в декабре 1917 г. был объявлен в розыск исчезнувший из Чистополя еще в июле журналист, член австрийского парламента Михаил Константинович Петрицкий. Он отправился в Казань на семь дней, по слухам, с просьбой о выезде в город Колеченцы Львовского уезда, но так и не вернулся³. Исчезали интернированные целыми семьями, как, например, Георгий Бартов и Генрих Царн с женой и детьми⁴.

Выводы. Феномен интернированных является одним из эпизодов Первой мировой войны. Он почти незаметен на фоне тех ужасов и несправедливостей, которые сопровождали эту грандиозную бойню. С одной стороны, содержание под наблюдением иностранных подданных было закономерно в тех условиях, когда они могли поставить интересы своей родины выше интересов страны, в которой жили и вести шпионскую или диверсионную работу. С другой, жесткому контролю подверглась целая социальная группа, отличавшаяся от остальных жителей, только документом, указывающим на иное гражданство. Многие из них провели всю жизнь в России, обзавелись здесь семьей, работой, имуществом, но так и не стали ее гражданами только потому, что не видели в этом особой необходимости, считая себя и так русскими.

По сути, положение гражданских пленнх было близко к положению ссыльных. Только если последних отправляли на поселение в другую местность

¹ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 89. Лл. 92–92об.

² НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 88. Л. 149.

³ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

⁴ НА РТ. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 8. Л. 12.

за конкретные проступки, то наказание интернированных было превентивным. При этом разрушались семьи, людей посылали в непривычную им среду, лишали работы, где нередко отсутствовали необходимые условия для жизни и сверх того многие окружающие относились к ним, как к предателям.

После Февральской революции иностранные военнообязанные ждали облегчения своей участи. И действительно, с весны 1917 г. наблюдалось послабление в запрете на перемещение. Однако Временное правительство продолжало курс на ведение войны и, выбирая между демократическими свободами и безопасностью, сделало выбор в пользу последней. Кроме того, в условиях продовольственного кризиса обычные граждане стали смотреть на пришельцев из других губерний как на лишние рты и укоряли власти, что те живут лучше, чем местные жители, хотя это не подтверждается фактами. Октябрь также мало что изменил в судьбе интернированных, и большевики продолжали в отношении них политику своих предшественников. И только окончание Первой мировой войны позволило интернированным почувствовать себя свободными, хотя к тому времени это уже была совершенно иная страна.

© Миронова Е.В., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Об амнистии. Указ 6 марта 1917 г. // Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля – 5 мая 1917. Петроград: Гос. Тип., 1917. С. 266.

Обязательное постановление казанского губернатора П.М. Боярского об объявлении австрийских и германских подданных военнопленными. 1 августа 1914 // Казанская губерния в период Первой мировой войны: сборник документов и материалов. Казань: Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2014.

Положение «О военнопленных» от 7 (20) октября 1914 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 16 октября 1914 г. № 281. Ст.2568. URL: <http://istorja.ru/forums/topic/1684-polozhenie-o-voennoplennyih/> (Дата обращения: 8.01.2016).

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 1; 1246; 1353.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Оськин М.В.* Неизвестные трагедии Первой мировой. Пленные. Дезертиры. Беженцы. М.: Вече, 2011. 432 с.
- [2] *Журбина Н.Е.* Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 230–235.
- [3] *Комелина Л.Н.* Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам Музея истории города Йошкар-Ола) // Запад – Восток. Научно-практический ежегодник. 2014. № 7. С. 126–135.

- [4] *Абдрашитов Э.Е.* Женщины и военнопленные: проблема дискурса (по материалам региональной периодической печати и эго-документов) // *Вестник Тюменского государственного университета. История* (№ 2). 2012. С. 78–84.
- [5] *Абдрашитов Э.Е.* Восприятие войны и пленных Тройственного союза татарами Казанской губернии // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения*. 2014. Т. 14. Выпуск 4. С. 17–25.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10 января 2017 г.

Принята к печати: 17 марта 2017 г.

Об авторе:

Миронова Елена Валерьевна – к.и.н., с.н.с. Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан; Почтовый адрес организации: 420014, Россия, Казань, Кремль, 5-й подъезд.

EVERYDAY LIFE OF INTERNEES IN KAZAN PROVINCE IN 1917

Elena V. Mironova

Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russia, yelena.mironova@yandex.ru

In the article the situation of internees (persons having the nationality of a hostile state) is analyzed on the example of the Kazan province in 1917. Analyzing the rights and duties of the prisoners, the author equates their status to that of administrative exiles and gives moral evaluation to the phenomenon of internment. To illustrate the particular situation of the internees in the crisis year for Russia, the author refers to the earlier period of their lives in the Kazan province – from 1914 to 1916. The forced displacement from their homes entailed separation from family, inability to find jobs in their specialty, restriction of freedom of movement, prohibition of communication with the local population. The revolutionary year of 1917 was marked, on the one hand, by general liberalization which affected, among others, the civilian prisoners. On the other hand, the economic problems in the country provoked the province residents' anger with foreigners. Thus, because of food shortages and economic disruption, the domestic problems only worsened, the internees couldn't choose the place of residence and the expectations of easing of the internment regime were not met. The new public authorities – Public Security Committees – treated foreigners in general and internees in particular with caution and tried to curtail their rights. This led to the fact that even the citizens of neutral states were persecuted. After the 1917 October Revolution this mistrust continued. As a result, regardless of the fact which political force was in power, the fate of the internees did not become easier, even after such a strong social upheaval as the February and October Revolutions.

Keywords: Kazan province, internees, everyday life, the February Revolution, the 1917 Bolshevik Revolution

REFERENCES

- [1] Os'kin MV. *Neizvestnye tragedii Pervoi mirovoi. Plennye. Dezertiry. Bezhentsy* [Unknown tragedies of the First World War. The prisoners. Deserters. Refugees]. Moscow: Veche; 2011 (in Russian).
- [2] Zhurbina NE. German prisoners of World War I in Russia. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2008; 2: 230–235 (in Russian).
- [3] Komelina LN. The First World War and the city Tsarevokokshaisk (according to the Museum of History of Yoshkar-Ola). *West – East. Scientific and practical yearbook*. 2014; 7: 126–135 (in Russian).
- [4] Abdrashitov EE. Women and prisoners of war: a discourse problem (on materials of regional periodicals and egos-documents). *Vesntik TSU. History*. 2012; 2: 78–84 (in Russian).
- [5] Abdrashitov EE. Perception of war and Captured Tripartite Alliance Tatars of the Kazan Province. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations*. 2014; 14 (4): 17–25 (in Russian).

Article history:

Submitted: 10 January 2017

Revised: 17 March 2017

Accepted: 17 March 2017

About the author:

Elena V. Mironova, PhD, Senior Researcher at Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Postal address of the organization: 5 pod'ezd, Kreml, Kazan, 420014, Russia.